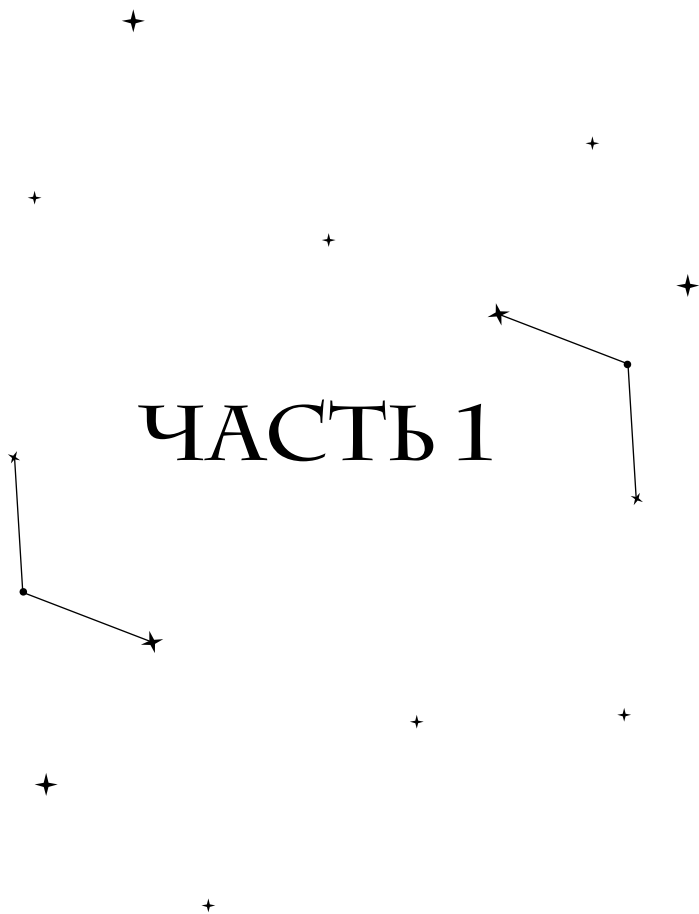
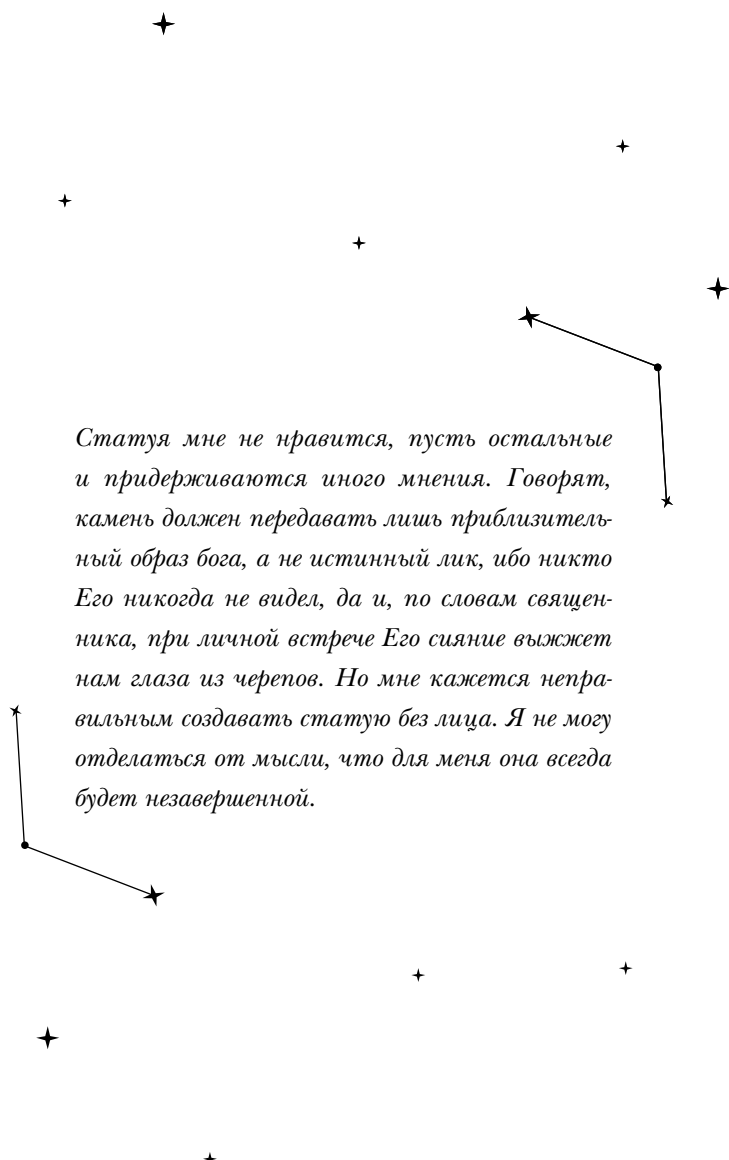
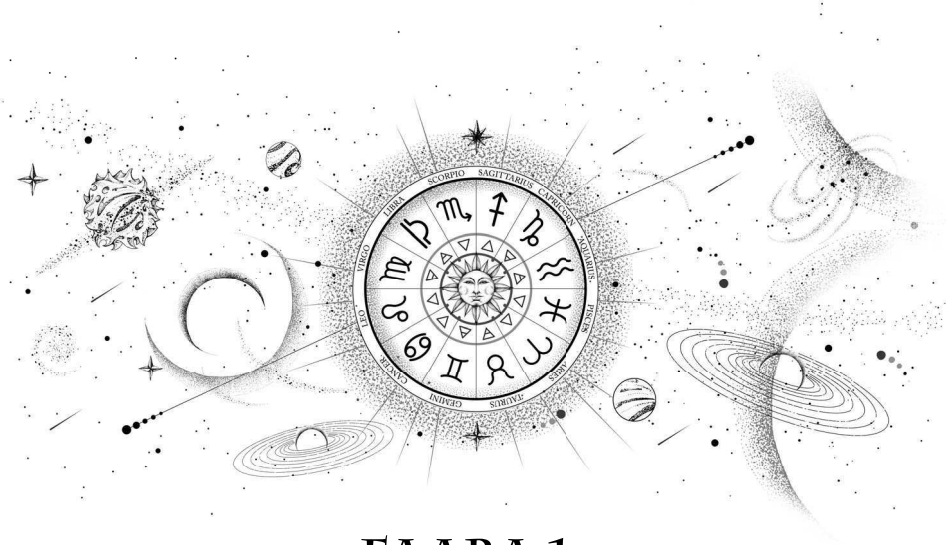

ЧАСТЬ 1

A minimalist constellation diagram on a white background. It features several stars, represented by small black crosses. Two stars are connected by thin black lines. One line connects a star on the right to a star on the left, and another line connects a star on the right to a star below it. The text is centered on the page, surrounded by these stars and lines.

Статуя мне не нравится, пусть остальные и придерживаются иного мнения. Говорят, камень должен передавать лишь приблизительный образ бога, а не истинный лик, ибо никто Его никогда не видел, да и, по словам священника, при личной встрече Его сияние выжжет нам глаза из черепов. Но мне кажется неправильным создавать статую без лица. Я не могу отделаться от мысли, что для меня она всегда будет незавершенной.

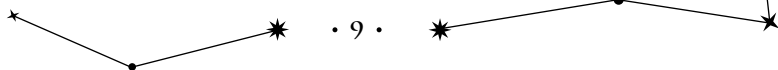

ГЛАВА 1

Солнечный свет померк в четверть первого пополудни.

С безоблачного неба донесся раскат грома такой мощи, будто я стояла посреди разваливавшегося здания. Он прогрохотал в ушах и волной пробежал по телу, вызывая мурашки. Животные в сарае с ума посходили: встали на дыбы, замычали, заблеяли и завопили такими голосами, каких я не слышала за все тридцать четыре года своей жизни. У челюсти промелькнуло копыто Лозы — так близко, что я почувствовала на коже дуновение ветерка. Какофония в сарае была почти столь же неистовой, как и сам гром.

А затем опустилась кромешная тьма: словно мир освещала единственная свеча, и теперь она потухла. Ни постепенного захода Солнца, ни накалывающей сонливости. Одна лишь темнота.

Поглотившей сарай и ферму тьмы было как будто недостаточно, вдобавок к этому животные резко затихли — полностью, словно испарились, и лишь запахи свидетельствовали об их присутствии.

Лежавшие на коленях гвозди для подков соскользнули на пол, но я и не попыталась их поднять. Повезло еще, что недоподкованное заднее копыто Лозы не задело меня в суматохе. Я отпрянула, запнулась о подол платья, упала. Пальцы впились в утрамбованную землю с разбросанными на ней клочьями сена. Целую минуту в сарае были слышны лишь мои движения: я ползла, тяжело дыша.

«Боги! Что стряслось?!»

Я наконец сумела встать и на ощупь добралась до двери. Я прожила на бабушкиной ферме достаточно долго, чтобы передвигаться по ней без света, однако ноги дрожали при каждом шаге, несмотря на попытки их обуздать. Дверь сарая со скрипом отворилась.

Снаружи луг, поля кукурузы и овса были залиты мягким бледным светом. При виде звезд ко мне пришло облегчение: с перепуту я уже приготовилась к тому, что небо будет таким же черным, как потолок сарая, однако его усеивало множество звезд — гораздо больше, чем в городе. Впрочем, облегчение сразу же испарилось, едва я вспомни-

ла, сколько сейчас времени — четверть первого пополудни.

Отступив от сарая, я оглядела небо. Ни Солнца, ни Луны. Только звезды и небольшое скопление облаков вдалеке.

Даже в Священных Писаниях не упомянуто ничего подобного. Сколько бы я ни всматривалась в звездную тьму, происходящее никак не укладывалось в голове.

— Ай? — раздался зов мамы из дома.

— Здесь! — крикнула я в ответ, обхватив себя руками, чтобы хоть за что-то держаться, и поспешила к ней, не забывая об осторожности: не хватало еще подвернуть лодыжку. — Все в порядке! Как Ката?

— Цела!

Мама, Энера, вылетела из дома. Ее светлый льняной наряд хорошо просматривался во тьме, шуршание юбки показалось мне таким громким, что я оторопела. Затем покрутила головой и прислушалась: ни сверчков, ни птиц. Мы с мамой и бабушкой жили довольно далеко от ближайшей деревни, и тем более от столицы, поэтому к тишине я привыкла. Однако сейчас она была неестественной. Настолько, что у меня поджилки затряслись, а руки начали зудеть — так бывает, когда возникает отличная задумка для рисунка, но не получается оторваться от дел, чтобы во-

плотить ее в жизнь. Вот только вместо досадного нетерпения в груди, подобно сонному коту, свернулся калачиком страх.

Мама приблизилась ко мне и схватила за плечи.

— Видела что-то?..

Я покачала головой.

— Я подковывала Лозу...

Ее пальцы сильнее впились мне в плоть.

— Она тебя не лягнула?

Через силу улыбнувшись, я накрыла ее ладони своими. Мама всегда обо всем беспокоилась, даже когда Вселенная вела себя смирно.

— Промахнулась.

Энера отпустила меня. Она вся дрожала, и я взяла ее за руку, стараясь утешить.

— Этот грохот наверняка услышали даже в Хелканаре. — Она тяжело сглотнула. — Боги на нас гnevаются.

— Боги гnevаются друг на друга, — прошептала я, взглянув на небо.

В последнее время люди начали шептаться, а издалека доходили слухи о странных ураганах и молниях — свидетельствах очередной войны на небесах. Отличить домыслы от правды было сложно. Так же сложно обращать внимание на болтовню, когда собственная страна в разгаре войны человеческой.

И та и другая казалась далекими. До сей поры.

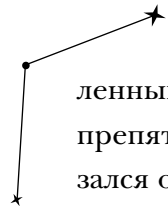
— Зайдем в дом, — проговорила я чуть громче необходимого — нельзя допустить, чтобы голос дрожал. Под кожей бешено бился пульс, во рту пересохло, однако мама нуждалась в опоре. Ей нужен был столб, который удержит шатер при сильном ветре. Мягкое сердце Энеры не вынесет больших потрясений.

Мама кивнула, и мы пошли обратно. Взгляд перебегал с одного края неба на другой. Моргая, я каждый раз надеялась, что вот сейчас открою глаза, а день вернулся. Или я проснусь на полу сарая и пойму, что произошедшее — лишь дурной сон. Только это объяснило бы резкое наступление ночи среди бела дня.

Однако в ушах все еще звенело от жуткого грохота — словно небо растрескалось, будто сделанное из стекла.

Похолодало.

На кухонном столе уже стояли по кругу свечи, а на дальнем конце лежали полбуханки хлеба и обрубальное кольцо бабушки. Ката стояла на коленях на одной из скамеек, сложив руки в молитве. Волосы у нее полностью поседели, и если старушка продержится еще десятилетие, они наверняка станут белоснежно-белыми. Бабушка была миниатюрной, даже меньше, чем мы с мамой, и теряла вес с каждым прожитым годом, сопротивляясь могильной тьме. Кожа и скелет, подобно возлюб-

ленным, стремились соединиться, избавляясь от препятствий на пути. Из-за худобы нос у нее казался острее, а суставы на пальцах — крупнее, что еще больше подчеркивал тусклый свет. По правде говоря, только благодаря медленно слабеющей бабушке я и чувствовала себя полезной на ферме, которая прекрасно обходилась без меня, пока я жила в столице.

Указав маме на ближайший стул, я бросила Кате:

— Мольбы одной женщины не вернут свет.

Та приоткрыла темное веко.

— Как и богохульство.

Я испустила долгий вздох. Потерла ладони. Холод проникал глубже.

— Все будет хорошо. Завтра утром взойдет Солнце, и все вернется на круги своя.

Бабушка подняла голову.

— И как же ты объяснишь происходящее?

— Если все наладится, то это неважно. Неисповедимы пути богов.

Я несколько раз повторила выражение про себя, надеясь найти в нем хоть каплю утешения.

Ката нахмурилась и вновь опустила голову.

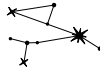
Энера вскочила со стула.

— Нужны дрова! Схожу за дровами.

Она поспешила обратно на улицу.

Я положила ладонь на живот и стала дышать глубже, чтобы успокоиться. Мама легко поддавалась панике, а в бабушке легко проступала желчность. Мне приходилось балансировать их состояния.

— Все наладится.

Не наладилось.

Следующее утро, которое я определила по старым карманным часам деда, выдалось таким же темным, как прошедшая длинная ночь. Вознеся мольбы богам, я встала у кухонного окна и взглянула на звезды. Мама оказалась права: нам потребовались дрова. Несмотря на то, что на дворе август, существенно похолодало. Вода не заледенела, но кухонный камин пришелся весьма кстати, и я переживала, что температура опустится еще ниже. Переживала за урожай и за нас. Бежав из Эджерона, я прихватила с собой приличные сбережения, но за прошедшие годы они изрядно оскудели, поэтому от урожая буквально зависела наша жизнь. К тому же осталось совсем немного драгоценных свечей.

Я положила ладонь на стекло.

— Луна, — в комнату, прихрамывая, вошла Ката.

